

В.В. Крестовский

Кровавый пуф

Книга 1. Панургово стадо

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К80

Крестовский В.В.
К80 Кровавый пуф: Книга 1. Панургово стадо / В.В. Крестовский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 454 с.

ISBN 978-5-4241-1427-4

«Панургово стадо» первая книга исторической дилогии Всеволода Крестовского «Кровавый пуф».

Поэт, писатель и публицист, автор знаменитого романа «Петербургские трущобы», Крестовский увлекательно и с неожиданной стороны показывает события «Нового смутного времени» - 1861-1863 годов.

В романе «Панургово стадо» и любовные интриги, и нигилизм, подрывающий нравственные устои общества, и коварный польский заговор звенья единой цепи, грозящей сковать российское государство в трудный для него момент истории.

ISBN 978-5-4241-1427-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.В. Крестовский, 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Воля

Наступил день 19-го февраля 1861 г.

Миллионы труждающихся и обремененных осенили крестом свои широкие груди; миллионы удрученных голов, с земными поклонами, склонились до сырой земли русской. С церковных папертей и амвонов во всеуслышание раздалось вешее слово. По всем градам и весям, по всем пригородам и слободам, по деревням, посадам и селам церковные колокола прогудели, по лицу вся земли Русской, благовест воли.

Русская земля отпраздновала первый день своей всенародной свободы.

А между тем...

В воздухе было что-то давящее, плывало что-то смутное, серое, неопределенное. На горизонте собирались какие-то зловещие, свинцовые тучи.

* * *

— А что, Волгой не возят?

— Покинули... дней с двенадцать, как покинули... Береговым трактом валят.

— Да ведь еще не ломало ее?

— Не ломало, а только вздулась, почернела вся... Под Василем-Сурским, слышно, стон уже дала: надо быть, скоро тронется.

Этими словами молодой человек, выглядывавший из приподнятого воротника бараньей шубы, перекинулся с мужичонкой корявого вида, который сидел за кучера на передке дорожного возка. Возок, по всем приметам, был помещичий, не из богатых, а так себе, средней руки. Его тащила по расхлябанной, размытой и разезженной дороге понурая обывательская тройка разношерстных кляч.

Был апрель месяц — урочное время, когда по нашим первобытным дорогам нет пути ни на колесах, ни на полозьях. Молодой человек ехал на обывательских, по вольному найму.

Дорога близилась к Волге.

Моросило сверху, слякотило снизу. Время стояло непогожее, а между тем, на дороге было заметно какое-то необычное оживление... То и дело плелись мужики — кто в одиночку, кто по два, по три, а то и целыми гурьбами, душ в десять и более; иные тащились на розвальнях, иные верхом на поджарых, мохнатых клячонках, то и дело понукая их болтающимися ногами, когда те вязли в бесконечной, невылазной грязи. И все это как-то оживленно, озабоченно толковало промеж себя, все это как будто торопилось куда-то и плелось по одному и тому же направлению, в ту самую сторону, куда тащился и помещичий дорожный возок.

Корявый мужичонко, ровняясь время от времени с пешеходами, иногда приподнимал свой несуразный малахай и кивал головою. Иные из пешеходов, в свою очередь, отвечали ему поклонами. Видно было, что все эти люди более или менее знакомые, из ближней окрестности.

— Стигней! А Стигней! Куда те прет? — окликнул корявый мужичонко одного из поравнявшихся с ним мужиков.

— В Снежки! — Махнул он рукою вдоль по направлению своей дороги: — Все в Снежки махаем.

— За коим лешим в Снежки?

— Да ты отколева? Нешто не слышал?

— Как не слышать!.. Да рази не покончили?

— Зачем кончать... Там, слышно, теперича воля заправская. Сказывали, будто с Питера енарал наехал в Снежки — будет мужикам снежковским волю вычитывать... И мы, значит, слухать идем.

— Да ведь батька в церкви чел уже?

— Мало чего нет!.. Теперича, баяли, самую заправскую и выложат. А то, слышь ты, снежковский немец-то крестьян снова на барщину погнал — какая ж эта воля?

Корявый мужичонко зацмокал, занукал, замахал в воздухе кнутиком — животы принатужились, рванулись понуро вперед — и возок опередил попутного Евстигнея.

До села Высокие Снежки оставалось верст пяток, не более. Молодой человек закутался покрепче в свою баранью шубу и уютно откинулся в глубь возка, на мягкие деревенские подушки. В Снежках ему предстояло переменить лошадей, чтобы плестись с грехом пополам далее, в губернский город, который на фантастической карте Российской империи, существующей в воображении читателя, отмечается довольно крупным кружком с подписью при оном: Славнобубенск, — стало быть, и губернию, существующую в нашей фантазии, мы назовем Славнобубенскою.

Молодой человек, с которым мы повстречались на дороге, принадлежал к числу средней руки дворян Славнобубенской губернии. Читателю необходимо знать, кто он; поэтому автор должен рекомендовать его. Это обыкновенно неизбежное место всевозможных повестей и романов. Сознавая это, автор постарается быть по возможности кратким. Зовут его — по фамилии Хвалынцев, по имени Константин, по отцу — Семенов. Ни в имени, ни в фамилии, как видит читатель, ничего особенно примечательного не оказывается. Хвалынцев с полным правом может называться молодым человеком, потому что ему только что минуло двадцать два года. Он высок и мускулист, сложен крепко и красиво. Если бы спросили о его лице, я бы сказал, что это лицо русское, совсем русское, отмеченное своеобразною красотою. От его открытой улыбки, от его светло-серых больших глаз веяло чем-то симпатичным. Теперь два слова о его общественном положении и о том, зачем он едет по дороге. Кроме того, что уже известно читателю, а именно, что Хвалынцев принадлежит к числу дворян и средней руки землевладельцев Славнобубенской губернии, надобно знать еще, что он четвертого курса университетский студент и ездил недавно на родину хоронить одинокого дядю да разделить с сестрой своей оставшимся после покойника наследством. Теперь он возвращается в Петербург, но предполагает по делам остаться некоторое время в Славнобубенске. Вот и все «скупное», что пока необходимо было знать читателю о молодом человеке.

Возок поднялся на пригорок — и перед Хвалынцевым в версте расстояния развернулись то скученные, то широко разбросанные группы серых изб, сараи, амбары, овины и бани. Там и сям, над этими группами, поднимались силуэты обнаженных деревьев и белелась каменная церковь с высокой пирамидальной

колокольней. Это было село Высокие Снежки.

Широкая площадь между церковью и старым господским домом сплошь была покрыта густыми толпами народа. Во всей этой массе виднелись только одни мужские головы. Бабы и ребятки жались больше по окраинам площади, поближе к избам и, промеж своих собственных разговоров, пассивно глазели на волнующуюся массу крестьянского люда, над которой гудел, как шмелиный рой, какой-то смешанный, тысячеголосный говор.

Едва Хвалынцев въехал на эту площадь, как возок его вмиг окружен был толпою, и кони стали, за невозможностью двинуться далее.

— Енарал!.. Енарал приехал! — пробежало из уст в уста по кучкам толпы — и головы ближайших к возку мужиков почтительно обнажились. Но это длилось не более полуминуты... разглядели слишком молодое лицо приезжего, его баранью шубу и решили, что генералу таким быть не подобает. Обнаженные головы снова накрылись, хотя возок и продолжал еще возбуждать любопытство толпы.

— Братцы! Дайте проехать! — высунулся Хвалынцев вперед из-под кузова.

— Да тебе куда, милый человек! — отозвался чей-то голос.

— На стоялый двор... а потом мимо,

— Мимо... стал быть не к нам... А нашто тебе на стоялый?

— Лошадей порядить.

— Стало, на вольных едешь?

— На вольных.

— Ну, значит, зашабашить надо! Теперь не порядишь: не повезут.

— А что так?

— Да где уж везти! Не такое время... Каждый мужик на миру нужен: енарала с Питеру ждем.

Между тем, корявый мужичонко кое-как попытался прокладывать себе дорогу; удавалось это ему с величайшими затруднениями — толпа расступалась туго, тысячи любопытных глаз пылливо засматривали под кузов! Наконец, добрался таки до стоялого двора, который тут же, на краю площади, красовался росписными ставенками.

Не успел Хвалынцев оглядеться, распусить дорожный ременной пояс да заказать самовар, как к нему вошли несколько мужиков и с поклонами остановились вдоль стены у дверей. Бороды по большей части были сивые, почтенные.

— Что вам, братцы? Чего вы?

— К твоей милости, батюшко! Заступись! Обижают...

— Да я-то что же?... Я, братцы, проезжий.

— Ты, батюшко, сказывали, питерского енарала передовой... Рассуди, кормилец! Волю скрасть хотят у нас! То было волю объявили, а ныне Карла Карлыч, немец-то наш, правяющий, на барщину снова гонит, а мы барщины не желаем, потому не закон... Мы к тебе от мира; и как ежели что складчину какую, так ты не сумлевайся: удовлетворим твоей милости, — только обстой ты нас... Они все супротив нас идут...

— Кто все? — любопытствовал Хвалынцев.

— Да все, как есть: и становой, и исправник; Корвинской барин — предводитель — тоже за немца; опять же офицер какой-то с города наехал — и тот за немца... Одна надежда на енарала на питерского... Пошто же мужиков обижать

занапрасно!

Только что стал было Хвалынцев убеждать их, что он к питерскому генералу никакого касательства не имеет, что он просто сам по себе и едет по своей собственной надобности, как вошел новый посетитель — жандарм, во всей своей амуниции.

— Который здесь проезжий?

— Я проезжий. А что?

— Пожалуйста... полковник требуют.

— Какой полковник? Зачем?.. Что ему?

— Не могу знать, — приказано... Пашпорт свой прихватите.

Хвалынцев недоумевая пошел вслед за жандармом.

Пришли в прихожую старого и давно уже нежилого господского дома. Там помещался другой жандарм, и тоже во всей своей амуниции. Хвалынцева пропустили в залу, а солдат почтительно-осторожной, но неуклюже-косолопой походкой на цыпочках пошел докладывать во внутренние покои.

Хвалынцев машинально стал оглядывать залу: узкие потускнелые зеркала с бронзовой инкрустацией; хрустальная люстра под росписным потолком; у мебели тонкие точеные ножки и ручки, в виде египетских грифов и мумий; давным-давно слинялый и выцвевший штоф на спинках и сиденьях; темные портреты, а на портретах все Екатерининская пудра да высочайшие Александровские воротники, жабо да хохлы, скученные на лоб. Над диваном потрескавшаяся большая картина с каким-то мифологическим сюжетом и обнаженными полногрудыми женами. Все это как-то таинственно переносило в другой мир — отживший, некогда блестящий, все это веяло каким-то домашним преданием, семейной хроникой, и светлыми, и темными, но ныне уже потускневшими красками.

В одной из смежных комнат, куда удалился жандарм, раздавались людские голоса. Через полминуты он вышел и, сказав мимоходом Хвалынцеву, чтобы обождал, удалился в прихожую.

— Угол от пяти... полтина очко... пять рублей мазу! — послышалось из внутреннего покоя, сквозь неплотно припертую дверь, когда скрип солдатских шагов затих в передней и воцарилась прежняя тишина.

"Что ж это такое?" — не без удивления подумал себе Хвалынцев.

— Болеслав Казимирыч, да вы хоть талию-то кончите... Успеет еще!..

Студент отвернулся к окну и сквозь двойные стекла, от нечего делать, стал глядеть на двор, где отдыхал помещичий дормез, рядом с перекладной телегой, и тут же стояли широкие крытые сани да легкая бричка — вероятнее всего исправничья. А там, дальше — на площади колыхались и гудели толпы народа.

В зале послышались шаги.

Хвалынцев обернулся и увидел синий расстегнутый сюртук и, с широкими подусниками, характерные усы высокого штаб-офицера, который шел прямо на него.

— Кто вы такой? — осведомился офицер с официально-начальственно-вежливой сухостью, остановившись от него в двух шагах расстояния.

Хвалынцев назвал себя.

— Ваш вид?

Тот достал из дорожной сумки, висевшей у него через плечо, свое университетское свидетельство.

— Зачем вы приехали в Высокие Снежки? — продолжал офицер, наскоро пробежав глазами поданную ему бумагу.

— Проездом в Славнобубенск.

— Гм... проездом... так-с... А зачем же непременно в Снежки?

— Затем, что дорога на Снежки лежит.

— Гм... дорога... А разве нельзя было мимо объехать?

— Ну, об этом надо спросить, полковник, моего извозчика: он это, конечно, лучше меня знает, а мне здешние пути не знакомы.

— Вы разве не знаете, что в Снежках восстание, бунт крестьянский, и едете прямо в Снежки!

— Откуда же знать мне? Я — человек проезжий.

— То-то я и вижу, что проезжий... А зачем вы сейчас мужиков к себе собирали?

Хвалынцев объяснил ему, как было дело.

— Ваша подорожная?

— Я еду по вольному найму на обывательских.

— Гм... на обывательских... без подорожной... Так-с.

Офицер смотрел на Хвалынцева пристальным, испытующим взглядом: он, очевидно, не доверял его словам.

— Вы... извините, — начал он со вздохом, спустя некоторое время. — Я должен задержать вас... тем более, что и так вы все равно не достали бы себе лошадей... не повезут, потому — бунт.

В это время в залу вошли из того же внутреннего покоя еще четыре новые личности. Двое из вошедших были в сюртуках земской полиции, а один в щегольском пиджаке Шармеровского покроя. Что касается до четвертой личности, то достаточно было взглянуть на ее рыженькую, толстенькую фигурку, чтобы безошибочно узнать в ней немца-управляющего.

Пиджак переглянулся с Хвалынцевым, и оба как будто узнали друг друга.

— Господин Хвалынцев, если не ошибаюсь? — с изящной вежливостью прищурился немножко господин в пиджаке.

— Не ошибаетесь, — столь же вежливо поклонился студент.

— Имея удовольствие видеть вас на похоронах вашего дядюшки... мы хоть и разных уездов, но почти соседи и с дядюшкой вашим были старые знакомые... Очень приятно встретиться... здешний предводитель дворянства Корытников, — отрекомендовался он в заключение и любезно протянул руку, которая была принята студентом.

Штаб-офицер передернул характерными русыми усами и недоумело поглядел на того и другого.

— Послушайте, — таинственно взяв под руку, отвел он предводителя в сторону, на другой конец залы, — студиозуса-то, я полагаю, все-таки лучше будет позadržать немного... Он хоть и знакомый ваш, да ведь вы за него ручаться не можете... А я уж знаю вообще, каков этот народец... Мы его эдак, под благовидным предлогом... Оно как-то спокойнее.

— Как знаете, — пожал плечами предводитель, — это уж ваше дело, полковник.

— То-то; я думаю, что лучше позadržать... Вот он — едва приехал, а к нему уж мужичье нагрянуло советов просить. Ну, а я уж знаю вообще эти студентские

советы!..

— Господин Хвалынцев... извините... это — маленькое недоразумение! — с любезной улыбкой начал офицер, направляясь к студенту и подшаркивая на ходу. — Вот ваш вид; но все-таки, я полагаю, вам лучше бы переждать немного... Во-первых — сами извольте видеть — время тревожное, ехать не безопасно... Мало ли что может случиться... Это, во всяком случае, риск; а во-вторых — смею вас уверить — вы здесь никак теперь лошадей не достанете, не повезут... До того ль им теперь!.. Мы и сами вот как бы в блокаде содержимся, пока до прибытия войска.

Хвалынцев поблагодарил предупредительного полковника, но при этом все-таки выразил желание попытаться — авось либо и удастся порядить лошадей.

— Мм... сомневаюсь, — покачал головой полковник, — да если бы и удалось, я все-таки не рискнул бы отпустить вас. Помилуйте, на нас лежит, так сказать, священная обязанность охранять спокойствие и безопасность граждан, и как же ж вдруг отпущу я вас, когда вся местность, так сказать, в пожаре бунта? Это невозможно. Согласитесь сами, — моя ответственность... вы, надеюсь, сами вполне понимаете...

Хвалынцев ничего не понял, но тем не менее поклонился.

— Ну, нечего делать, — пожал он плечами, — пойду на стоялый.

— Нет, уж на стоялый не ходите, — торопливо предупредил офицер, — это точно также не безопасно... Ведь уж к вам и то забрались мужики-то наши...

— Да что ж им во мне? Ведь не против меня бунтуют.

— Вы полагаете? — многозначительно, глубокомысленно и политично сдвинул полковник брови и с неудовольствием шевельнул усами, — Это бунт, так сказать, противусловный, и я, по долгу службы моей, не отпущу вас туда.

— Но как же мне быть, господин полковник?

— Остаться здесь до времени.

— Но мои вещи.

— Жандармы перенесут ваши вещи.

— Но, наконец, я есть хочу, отдохнуть хочу...

— Все это к вашим услугам. Вот — Карл Карлыч, — рекомендательно указал он рукою на рыженького немца, — почтенный человек, который озаботится... Вот вам комната — можете расположиться, а самовар и прочее у нас и без того уже готово.

Хвалынцева внутренне что-то передернуло: он понял, что так или иначе, а все-таки арестован жандармским штаб-офицером и что всякое дальнейшее препирательство или сопротивление было бы вполне бесполезно. Хочешь — не хочешь, оставалось покориться прихоти или иным глубокомысленным соображениям этого политика, и потому, слегка поклонившись, он только и мог пробормотать сквозь зубы:

— Я в вашей власти.

— Очень приятно! Очень приятно-с! — ответил полковник с поклоном, отличавшимся той невыразимо любезной, гоноровой «гжечностью», которая составляет неотъемлемую принадлежность родовитых поляков. — Я очень рад, что вы приняли это благоразумное решение... Позвольте и мне отрекомендоваться: полковник Пшецыньский, Болеслав Казимирович; а это, — указал он рукой на двух господ в земско-полицейской форме, — господин исправник и господин

становой... Не прикажете ли чаю?

— Да, я прозяб и хотел бы согреться.

— В таком случае, пойдемте с нами, — предложил ему предводитель, указав на дверь во внутренний покой, — и все отправились по указанному направлению.

Здесь предстало Хвалынцеву новое зрелище. То был старинный барский кабинет, с глубокими вольтеровскими креслами, с пузатым бюро, с широкой оттоманкой от угла в две стены. Хроматические гравюры, висевшие тут, изображали охотничьи сцены из английской жизни да сентиментальные похождения Поля и Виргинии. Посередине комнаты стоял ломберный стол, на котором валялись мелки и карты — атрибуты неоконченного штосса. В углу, на другом столе, помещался вместительный самовар с чайною принадлежностью, лимоны, бутылка коньяку, графин с водкой, селедка и сыр. Вся эта снедь и пития малым остатком красноречиво доказывали, что присутствующие успели уже неоднократно оказать им достодолжную честь.

Едва вошел Хвалынцев в эту комнату, как на него злобно зарычали два мордастые бульдога, которые были привязаны сворой к ножке пузатого бюро. Но немец-управляющий внушительно цыкнул на них, и они замолчали. Кроме яствий и карт, Хвалынцева немало удивило еще присутствие в этой комнате таких воинственных предметов, как, например, заряженный револьвер, лежавший на ломберном столе, у того места, на которое сел теперь полковник Пшецыньский; черкесский кинжал на окошке; в углу две охотничьи двухстволки, рядом с двумя саблями, из коих одна, очевидно, принадлежала полковнику, а другая — стародавняя, заржавленная — составляла древнюю принадлежность помещичьего дома. Вообще, эти «злощиие» бульдоги на своре, этот заряженный револьвер, и ружья, и кинжал, и сабли ясно доказывали, что все эти господа действительно почитали себя в самой серьезнейшей блокаде, и намеревались недешево продать русским мужикам свое драгоценное существование, если бы те задумали брать приступом господскую твердыню.

— Когда же вы меня отпустите отсюда, полковник? Когда я буду свободен? — спросил Хвалынцев, *volens-nolens*¹ располагаясь на старой оттоманке.

— О, помилуйте, вы и теперь свободны, но... только я не могу отпустить вас раньше окончательного укрощения; когда волнение будет подавлено, вы можете ехать куда угодно.

— А когда оно будет подавлено?

— Это зависит от прибытия войск. Вчера мы послали эстафету, сегодня — надо ожидать — придут.

— Да что это у вас за восстание такое? Как? Почему? Зачем? Объясните, пожалуйста, — обратился Хвалынцев к предводителю.

— О, это презапутанная и вместе пренелепая история, — с изящным пренебрежением выдвинул предводитель свою нижнюю губу. — Никаких властей не признают, Карла Карлыча не слушают... Какой-то вредный коммунизм проявился... *Imaginez vous*,² не хотят понять, что они должны либо снести те усадьбы, которые стоят ближе пятидесяти саженой к усадьбе помещика, либо, по соглашению с помещиком, платить за них выкуп. Не хотят ни того, ни другого. "Усадьба, говорит, и без того моя была!" (Предводитель, ради пущей изобразительности и остроумия, крестьянские реплики в своем рассказе передразнивал на мужицкий лад; Вот и толкуйте с ними! И теперь, *à la fin des fins*³ вышли на

площадь, толкуют Dieu sait quoi⁴ о том, что волю у них украли помещики, и как вы думаете, из-за чего? Для их же собственной пользы и выгоды денежный выкуп за душевой надел заменили им личной работой, — не желают: "мы-де ноне вольные и баршшыны не хотим!" Мы все объясняем им, что тут никакой барщины нет, что это не барщина, а замена выкупа личным трудом в пользу помещика, которому нужно же выкуп вносить, что это только так, пока — временная мера, для их же выгоды, — а они свое несут: "Баршшына да баршшына!" И вот, как говорится, *inde iŕae*,⁵ отсюда и вся история... «Положения» не понимают, толкуют его по-своему, самопроизвольно; ни мне, ни полковнику, ни г-ну исправнику не верят, даже попу не верят; говорят: помещики и начальство настоящую волю спрятали, а прочитали им подложную волю, без какой-то золотой строчки, что настоящая воля должна быть за золотой строчкой... И вот все подобные глупости!

— Но для чего же они на площадь выходили? — спросил Хвалынцев.

— Вот, слухи между ними пошли, что "енарал с Питеру" приедет им "волю заправскую читать"... Полковник вынужден вчера эстафетой потребовать войско, а они, уж Бог знает, как и откуда, прослышали о войске и думают, что это войско и придет к ним с настоящею волею, — ну, и ждут вот, да еще и соседних мутят, и соседи тоже поприходили.

— М-да... «енарал»... Пропишет он им волю! — с многозначительной иронией пополоскал губами и щеками полковник, отхлебнув из стакана глоток пуншу, и повернулся к Хвалынцеву: — Я истощил все меры кротости, старался вселить благоразумие, — пояснил он докторально-авторитетным тоном. — Даже пастьерское назидание было им сделано, — ничто не берет! Ни голос совести, ни внушение власти, ни слово религии!.. С прискорбием должен был послать за военной силой... Жаль, очень жаль будет, если разразится катастрофа.

Но... опытный наблюдатель мог бы заметить, что полковник Болеслав Казимирович Пшецыньский сказал это «жаль» так, что в сущности ему нисколько не «жаль», а сказано оно лишь для красоты слога. Многие губернские дамы даже до пугливого трепета восхищались административно-воинственным красноречием полковника, который пользовался репутацией хорошего спикера и мазуриста.

— Необразованность!.. — промолвил господин становой семинарски-малороссийским акцентом. — Это все от нэобразования!

— Русски мужик евин! — ни к селу, ни к городу ввернул и свое слово рыженький немец, к которому никто не обращался и который все время возился то около своих бульдогов, то около самовара, то начинал вдруг озабоченно осматривать ружья.

— Н-да, это грустный факт! — изящно вздохнул предводитель. — Я никак не против свободы; напротив, я англичанин в душе и стою за конституционные формы, *mais... savez vous, mon cher* (это "mon cher" было сказано отчасти в фамильярном, а отчасти как будто и в покровительственном тоне, что не совсем понравилось Хвалынцеву), *savez vous la libeřtė et tous ces reformes*⁷ для нашего русского мужика — *c'est trop tōt encore*!⁸ Я очень люблю нашего мужика, но... свобода необходимо требует развития, образования... Надо бы сперва было позаботиться об образовании, а то вот и выходят подобные сцены.

Хвалынцеву стало как-то скверно на душе от всех этих разговоров, так что захотелось просто плюнуть и уйти, но он понимал в то же время свое двусмыс-

ленное и зависимое положение в обществе деликатно арестовавшего его полковника и потому благоразумно воздержался от сильных проявлений своего чувства.

— Да, — заметил он с легкой улыбкой, — но дышать-то ведь хочется одинаково как образованному, так и необразованному...

Предводитель тоже своеобразно улыбнулся и, не возразив ни слова, сосредоточенно стал крутить папироску. Зато Болеслав Казимирович очень нехорошо передернул усами и, пытливо взглянув искоса на студента, вышел из комнаты.

— Лев Александрович! — многозначительно кивнул он предводителю из-за двери, — и тот сейчас же удалился.

— А что, не отлично я разве распорядился с арестацией этого студиозуса? — вполголоса похвалился полковник. — Помилуйте, ведь это красный, совсем красный, каналья!.. Уж я, батенька, только взгляну — сейчас по роже вижу, насквозь вижу всего!..

— Н-да, но что толку арестовать-то его?.. Только нас стесняет... Ну, его! пускай себе едет!

Пшецыньский удивленно выпучил глаза и покачал головою.

— Ай-ай-ай, Лев Александрович! Как же ж это вы так легкомысленно относитесь к этому! "Пускай едет!" А как не уедет? А как пойдет в толпу да станет бунтовать, да как если — борони Боже — на дом нахлынут? От подобных господчиков я всего ожидаю!.. Нет-с, пока не пришло войско, мы в блокаде, доложу я вам, и я не дам лишнего шанса неприятелю!.. Выпустить его невозможно.

Полковник, очевидно, очень трусил неприятеля. Будучи храбрым и даже отважным в своей канцелярии, равно как и в любой губернской гостиной, и на любом зеленом поле, — он пасовал перед неведомым ему неприятелем — русским народом. Но боязни своей показать не желал (она сама собой иногда прорывалась наружу) и потому поторопился дать иное, но тоже не совсем для себя бесполезное, значение вызову предводителя на секретное слово.

— А что я вас хотел просить, почтеннейший Лев Александрович, — вкрадчиво начал он, улыбаясь приятельски-сладкой улыбкой и взяв за пуговицу своего собеседника. — Малый кажется мне очень, очень подозрительный... Мы себе засядем будто в картишки, а вы поговорите с ним — хоть там, хоть в этой комнате; вызовите его на разговорец на эдакий... пускай-ко выскажется немножко... Это для нас право же не бесполезно будет...

Предводитель помялся, поморщился, но не сделал ни малейшего возражения полковнику.

— Ваше высокобородие! Генерал требуют! — громогласно доложил жандарм, в эту самую минуту показавшись в передней.

— Как генерал?!.. разве уж приехал? — оторопело спохватился Пшецыньский.

— Сычас звольли прибыть.

— Ай-ай, батюшки мои!.. Живей мундир!.. Поворачивайся, каналья!.. Скорее!..

Полковник со всех ног бросился облекать себя в полную парадную форму.

II. Великое и общее недоразумение

Как только в городе Славнобубенске была получена эстафета полковника Пшецыньского, так тотчас казачьей сотне приказано было поспешно выступить в село Высокие Снежки и послано эстафетное предписание нескольким пехот-